

Певучий туман. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Певучий туман. Даниил Александрович Гранин

Номер попался холодный, неудобный. Скрипела шаткая деревянная кровать, скрипели протертые плюшевые кресла, да и вся эта угрюмая гостиница брюзгливо скрипела расшатанными перилами, узкими лестничками, давно не крашенными половицами. За дверьми номеров стояла сонная тишина. Если бы где-нибудь играли в преферанс, я бы почувствовал. На преферанс у меня за два года командировочных разъездов выработался безошибочный нюх. Ни ресторана, ни буфета в гостинице не было. Сомнительно, имелся ли вообще в этом городке приличный ресторан с оркестром и танцами, где бы можно было убить предстоящий вечер.

Я попал сюда проездом. Поезд мой уходил завтра утром. Спать не хотелось. По радио передавали какую-то классическую музыку.

Перед зеркалом я повязал шарф. Это был красивый, модный шарф, синий с широкой желтой полосой. В провинции разбираются в модах, кроме того, хорошо одетый человек чувствует себя свободнее, поэтому я в дорогу одеваюсь по-столичному, без всяких ватников, кепочек и русских сапог.

Внизу у дежурной я попробовал было разузнать про ресторан, но она плохо говорила по-русски.

На улице стоял прозрачный туман. Я впервые видел такой: крупная водяная пыль почти неподвижно висела в воздухе...

Свет высоких фонарей не отражался на асфальте, теряясь в этом пару, где-то в голых мокрых ветвях деревьев. Я двинулся наугад, выбирая освещенные улицы. За оградами темнели заколоченные дачи, слезились черные стекла веранд, лишь кое-где сквозь щели притворенных ставен сочился тусклый свет. Ни одного встречного, ни души.

В деревне тишина – вещь обычная и после Москвы даже приятная, но здесь, среди асфальта и электрического света, эти онемелые, безлюдные улицы навели на меня тоску. Что за люди тут живут и что это за жизнь? Я бы тут запил горькую. Я с облегчением подумал о том, что завтра утром сяду в Московский поезд и в это время уже буду шагать по шумному Кузнецкому. От этих мыслей кругом стало еще печальней. Промозглая сырость пробиралась сквозь пальто. Желтый горох фонарей словно чадил под серым сводом тумана. Улицы были похожи на туннели.

За темной площадью перед киркой начинался бульвар с часто посаженными старыми липами. Пройдя немного вперед, я увидел на другом конце бульвара движение смутной тени. Кто-то шел мне навстречу. В серой мгле четче проступали очертания женской фигуры. То пропадая, скрытая тенью деревьев, то появляясь снова, она двигалась ко мне как бы толчками. Меня удивила походка этой женщины – медленная походка гуляющего человека. Я не различал ее лица, но видно было, что это молодая женщина. Заметив меня, она чуть сдвинулась к мостовой. Она держала руки в карманах старомодного пальто, перехваченного широким кушаком. Мы были совершенно одни на этом бульваре, – может быть, мы были единственными прохожими во всем городке.

Так бывает всегда – в самую последнюю минуту мне обязательно подвернется какой-нибудь счастливый случай. Я опустил воротник и поправил шарф. Я знал, что мне повезло. Мы поравнялись, я извинился и спросил, нет ли тут поблизости ресторана.

Ей было лет двадцать пять; большой рот на бледном лице и большие серые, нет, пожалуй, не серые, а какие-то мглистые глаза. Из-под клетчатого платочка выбивались выгоревшие до золотистости волосы.

Она сказала, что летний ресторан закрыт, есть буфет на станции. Наверное, если бы я не загородил ей дорогу, она после этого пошла бы дальше. Но я стоял перед ней, и она молча ждала. Я начал расспрашивать ее, как пройти на станцию, я объяснил ей, что я приезжий, ничего не знаю и если она мне не покажет дорогу, то я заблужусь, погибну в этом тумане и в городе появится привидение.

Она слабо улыбнулась. Она не употребляла ни краски, ни пудры, неяркое лицо ее дышало влажной свежестью, кроме того, говорила она с симпатичным акцентом, и я решил не упускать ее.

– Боюсь, что я даже и гостиницу теперь не найду, – я глубоко вздохнул и отступил

Певучий туман. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
в сторону, освобождая ей дорогу.

Она попробовала объяснить мне, как вернуться в гостиницу. Я молча смотрел ей в глаза.

– Вы поняли? – спросила она.

– Кажется, – я сказал это неуверенно и грустно.

Она прошла мимо. Я продолжал стоять. Она сделала несколько шагов, все медленнее, медленнее, и остановилась.

– Послушайте, – обеспокоенно сказала она, – давайте я вас выведу на вашу улицу.

– Но вам из-за этого лишний крюк делать.

– Нет, мне все равно, я ведь прогулка... – она не сразу находила нужное слово, фразы у нее получались забавно неправильные.

Мы шли рядом, но я не стал брать ее под руку и держался ближе к забору. Путья кустов высывались через штакетник, цеплялись за пальто, били меня по ногам.

– Какой интерес гулять в такую паршивую погоду? – спросил я. – Смертная тоска.

Она едва усмехнулась, одними губами, непонятно и снисходительно, – мол, «разве вам понять». Это рассердило меня. Я выложил ей все, что думал про этот унылый дачный город, про его обитателей, про этот гнилой туман. В хорошую погоду я сам не прочь пройтись по Арбату, потолкаться на улице Горького, но какое может быть гуляние там, где вместо людей слякоть и тишина, от которой глохнешь.

– Неужели вы не слышите? – сказала она с удивлением. – Он поет.

– Кто поет?

– Туман.

– Да? – вежливо удивился я.

Мы остановились у каменного особняка, белеющего башенками в глубине сада. Где-то пролаяла собака. Потом далеко прогудел паровоз. Я пожал плечами и рассмеялся. Она сморщилась и приложила палец к губам. Бледное лицо ее чуть запрокинулось, глаза полузакрылись, она явно что-то слушала. Я поднял голову. Постепенно лицо стало ощущать движение водяной пыли. Ветви липы надо мной блестели. Каждая самая тонкая веточка сверкала крупными каплями, похожими на почки. Капли срывались и падали. Я услышал, как они падают. Шлепаются об асфальт. Бубнят по опавшему листу. Чем дальше от меня, тем звук был чаще, слабее. В темноте сада он смешивался в шепот. Но потом и там ухо стало различать дробность. Что-то шуршало, всхлипывало; сверху, очевидно, с цинковой крыши дома, струился жалобный перезвон. Капля падала мне на плечо, и раздавался удар, ощутимый всем телом, как стук по барабану.

Я посмотрел на свою спутницу. Она, улыбаясь, покачала головой: нет, не то. Меня начала занимать эта игра. Теперь звуки неслись ко мне отовсюду. Земля, деревья, дома – все звучало в каком-то невнятном ритме.

Мы медленно пошли вперед.

– Тише, – сказала она. – Прислушайтесь.

Я старался ступать бесшумно. У маленького домика с закрытыми ставнями вода падала на железный лист, тревожно звеня, и капли, пронесаясь сквозь полосы света, испуганно взблескивали.

Вот тут-то я наконец услышал песню. Настоящую песню, сопровождаемую звоном воды. Я покосился на мою спутницу. Она пела очень тихо, хриловатым, сдавленным голосом, вероятно стесняясь меня и все же не в силах удержаться. Пела на своем языке, я уловил лишь грустный мотив. Водяная пыль посеребрила ее чистый лоб, щеки, влага оседала на тонком пушке, и от этого казалось, что лицо ее окружено

Певучий туман. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
слабым светом.

Поймав мой взгляд, она нахмурилась, смолкла. Но я продолжал слышать песню. Даже не слышать, а чувствовать. Так поют шепотом. Я сам так иногда пою на работе, чуть шевеля губами, когда дыхание заменяет звук. Почти беззвучная мелодия шелестела со всех сторон, рождаясь где-то рядом. Стеклянно, едва уловимо пела вода, разлитая в воздухе. Может быть, тут действовало трение водяной пыли, сливающейся в капли, может быть, шорохи и шумы ночи, звеня, отдавались в морозящем тумане. Я почему-то обрадовался, услышав это пение. Туман действительно пел... А может быть, мне все это казалось?

– Ну вот и ваша улица, – сказала она. – Идите прямо, прямо, там гостиница.

Я выругался про себя. Вместо того чтобы завязать знакомство, – я всю дорогу молчал, занимаясь какой-то чепухой.

– Спасибо, – пробормотал я.

Она потуже завязала платок.

– Можно мне погулять с вами? Немного. Совсем немножко. – Черт знает, как вырвались у меня эти жалкие мальчишеские слова. Никогда не следует обезоруживать себя перед незнакомой женщиной, у нее сразу пропадает всякое любопытство.

Но ее почему-то тронула эта просьба. Она внимательно посмотрела на меня:

– А вам не нравилось гулять в такой погоде.

– Глупости, – быстро сказал я. – Не обращайтесь внимания, – и опять я сказал не то, что следовало.

Она предложила пойти к морю. Мы свернули в тесный переулочек. Конец его упирался в песчаные дюны. Она ловко взбиралась по сыпучему песку. Я смотрел на ее ноги в грубых шерстяных чулках. Несколько раз я поскользнулся, она протянула мне руку. Так, взявшись за руки, мы поднялись на гребень дюны, и перед нами открылось море. Я не подозревал, что оно все время находилось так близко. Море было совсем маленькое, полукруг в несколько десятков метров, а дальше клубился туман. Оттуда выкатывалась темная, без блеска вода и тихо шипела вдоль берега.

Мы шли по пустому песчаному пляжу. Под ногами хрустела мелкая ракушка. Черная рябь выкинутых водорослей отделяла сушу от моря.

– О чем вы пели? – спросил я.

Запинаясь, подыскивая слова, она перевела эту старую рыбацкую песню: о певучем тумане – хорошем товарище, с которым не чувствуешь себя одиноко. Он быстро закрывает берег, и быстрее исчезает грусть прощания. У девушки, что провожает тебя, мокрое лицо, считай, что она плакала, хотя ты знаешь, что того, кто уходит в море, быстро забывают. Позади уже ничего не видно, но ты можешь уверять себя, что она все еще стоит там, на дюнах.

Мы сели на пляжную скамейку.

– Как вас звать? – спросил я.

– Лаума.

– Красивое имя, – похвалил я и подумал о том, что имя и впрямь красивое.

Она работала учительницей, отец ее был моряк. Он основал здешний рыбацкий колхоз, один из первых колхозов в Прибалтике. Два года назад отец умер. Она осталась одна с матерью. Больше мне ничего не удалось выспросить, – она твердо заговорила о другом и опять стала рассказывать об этом тумане. По старым приметам, он предвещает раннюю весну. В такие теплые моросистые туманы рыбаки охотно выходят в море. Рыба поднимается вверх и хорошо ловится. Туман тянется неширокой полосой вдоль побережья, дальше в море чисто и тихо. Но этот добрый певучий туман может перейти в черный. Тогда становится душно, днем в трех шагах ничего не видно, птицы улетают, и на всем побережье непрерывно бьют колокола...

Я не заметил, когда она замолчала. Мне хотелось рассказать ей тоже что-нибудь красивое, но я ничего не мог вспомнить. Всякие анекдоты и смешные истории, которые я обычно рассказывал в таких случаях, почему-то казались мне сейчас скучными. Я снял перчатку, взял ее руку. Кончики ее пальцев с гладкими, по-детски коротко обстриженными ногтями были холодные. Она осторожно высвободила руку. Темнота мешала разобрать выражение ее глаз. «Сейчас надо ее поцеловать», – подумал я. Я наклонился к ее лицу, обнял ее за плечи.

– Ой, не надо, – она мягко отодвинулась. Я так и ожидал, что сперва она отстранится. Моя рука все еще лежала на ее плече, я мог притянуть Лауму к себе и быстро поцеловать. Ни одна женщина всерьез не обидится за это. Вместо этого я снял руку с ее плеча и обрадовался, услышав ее легкий довольный вздох.

– Вот что, Лаума, я теперь сам найду дорогу, а вы идите, не стоит вам мерзнуть здесь, – сам не знаю почему, я говорил грубо, почти сердито.

– Хорошо, – сказала она тихо.

Она встала, пошла вдоль берега.

Я сидел, закрыв лицо руками.

Последний раз это произошло давно, совсем давно, когда я вот так же не решился поцеловать одну девушку, мне казалось, куда прекрасней сидеть с ней рядом и смотреть на нее. Все остальные первые поцелуи, сколько их было – случайных, торопливых, веселых, – все они забылись, а вот тот вечер, когда я не поцеловал, – помнился. Я думал о том, что давно мне не было грустно вот так, без причины, от ожидания чего-то необычного и от того, что этого необычного не будет, от того, что завтра я не услышу ни моря, ни этого звенящего тумана.

Шипение волны и запах прелых водорослей упорно напоминали мне что-то, но я не мог вспомнить что. И не хотел.

Я распрямылся и вздрогнул. Лаума сидела на краю скамейки и смотрела на меня.

– Вы здесь? – я почти испугался.

– Что это с вами?

– А я думал, вы ушли.

Она молчала.

– Простите меня, пожалуйста, – сказал я.

– Ничего, ничего.

– Пойдемте, я провожу вас.

Она жила неподалеку, в крохотном домике между дюнами. С улицы дом был огорожен низкой решеткой, позеленевшей от плесени. Я вдруг увидел, что яркая зелень плесени покрывала голые кусты сирени, взбиралась по стволам лип, и не понял, почему я этого не замечал до сих пор. Лаума улыбаясь показала мне в сторону молодых сосен, и я услышал, как звучно чмокали капли, словно кто-то целовался в темноте. В железной калитке поблескивал медной оправой штурвал, накрепко вделанный, настоящий корабельный штурвал, с обтертыми рукоятками, с массивной ступицей. После школы я мечтал поступить в кораблестроительный институт, но туда был большой конкурс, и я пошел в радиотехникум. Я не любил вспоминать об этом. Еще на берегу это неясное воспоминание тревожило меня, а сейчас оно словно устало в глаза. Чужой и тягостной показалась вся моя работа, все эти трасляционные узлы, схемы, выбор трассы для линий... Стиснув зубы, я поглаживал разбухшее дерево штурвала.

– Это отец, когда вышел в отставку, – пояснила Лаума.

Ее обращение со мной в чем-то изменилось. Она держалась свободнее и доверчивее. На кирке забили часы. Мы молча считали удары. Одиннадцать.

– Вы так и не поужинали, – сказала Лаума. – Хотите, поужинайте со мной. Правда, у меня ничего такого нет, но лучше, чем голодным ложиться.

Где-то про себя я усмехнулся – все идет как по нотам. Стоило ли разводить меланхолию, мечтать, сомневаться? Все-таки все бабы одинаковы.

– Может, прихватить чего-нибудь в буфете? – спросил я, имея в виду водку.

Лаума, очевидно, не поняла и фыркнула с чисто женским презрением к буфетным бутербродам и винегретам.

Мебели было мало, и комната выглядела просторной. Широкое окно в частом деревянном переплете выходило на море. На полу, на этажерках, подвешенных к низкому тесовому потолку, стояли цветы. Мясистые кактусы, столетники, белые, вишнево-красные бегонии и цветы, названия которых я не знал. Некрашеную полку плотно заполняли растрепанные книги, но книг было немного, и мне это понравилось.

Я терпеть не могу ученых женщин. Лаума разделась и повесила мое пальто на плечики возле кафельной печки. Без пальто и платочка она выглядела еще моложе. Сиреневый свитер туго обтягивал ее острые, легкие груди. Мы разговаривали тихо, мать ее уже спала в соседней комнате.

Лаума убрала с письменного стола тетради, положила салфетку, принесла черный хлеб, масло, тарелочку с копченой салакой. Даже я в своей холостяцкой комнате в Москве мог бы накрыть стол пошкарнее. Но Лаума нисколько не смущалась – очевидно, для нее такой ужин был обычным. Я основательно продрог и, обжигаясь, пил чай из шерботой чашки. Я бы никаких денег не пожалел сейчас за пол-литра столичной. Да и для контакта водка – вещь незаменимая. Я разглядывал Лауму, представляя себе, как в Москве я повел бы ее куда-нибудь в «Арагву» или «Метрополь». Я мысленно наслаждался восхищением этой провинциалки, попавшей из своей дыры в сверкающий хрусталем зал: официант в черном костюме подает какой-нибудь жульен в маленьких кастрюлечках, играет оркестр, на столе накрахмаленные салфетки, коньяк, икра...

Лаума была в Москве один раз, всего четыре дня, с экскурсией. Я решил заставить ее позавидовать моей московской жизни. Я начал рассказывать ей про одну из наших вечеринок у Юрки, сына известного артиста. Наклонясь к мохнатому цветку, Лаума отщипывала сухие листья. Лица ее мне не было видно – только шея и маленькое ухо с пушистой мочкой, на которой темнел давний прокол. Удивительное дело, эта остроумная история, которую я всегда так здорово рассказывал и после которой получался разговор об отношениях между мужчиной и женщиной, о том, как, не раздумывая над будущим, следует пользоваться жизнью, эта история сейчас определенно не звучала. Как будто испортился инструмент, разладилась настройка. И странно, как только я это почувствовал, Лаума сказала:

– Хотите, я вам покажу лягушку?

Она вытащила узловатый, обточенный морем и песком корень, вправду напоминавший большую лягушку. У Лаумы была целая коллекция таких корней: танцовщица, двухголовый слон, голова какого-то старикана. Она собирала их на отмелях со своими учениками для районной выставки. Сидя на корточках перед ящиком, мы перебирали эти деревянные корни, и она даже не вспомнила о неоконченной истории.

«Разыгрывает из себя девочку», – подумал я.

Я взял ящик и отнес его на кушетку. Лаума села рядом.

Я отодвинул ящик, крепко обнял Лауму, положил ей руку на грудь. Она вздрогнула.

– Не надо, – очень спокойно и устало сказала она.

– Почему? – я стал говорить, какая она красивая и как она мне нравится.

Она рассмеялась, но закусила губу и спросила разочарованно:

– Зачем вам это?

Не слушая меня, она отвела мою руку.

– Зачем? Этого совсем не нужно, – она сказала это отрезвляюще серьезно. В голосе ее была просьба и обидное утешение. Она встала, одернула свитер и отошла к окну. Я понимал, что это еще ничего не значит, надо подняться, снова обнять ее, она, наверное, этого хочет и ждет. Я встал, погасил настольную лампу и подошел к окну. Мы стояли рядом. Мое плечо слегка касалось ее плеча. Я слышал, как она дышит, и когда грудь ее опадала, рука ее, лежавшая на подоконнике, касалась моей руки. Я стоял неподвижно, ожидая этого прикосновения, и вдруг почувствовал, что больше мне ничего не нужно. Весь я сейчас как будто переселился в этот кусочек плеча, в эту полоску руки.

Меня мучила мысль, что Лаума где-то в глубине души досадует и, может быть, смеется над моей робостью. Но я ничего не мог поделать с собой. И ничего не хотел делать. Это была не робость, я просто не хотел лишиться этого прикосновения.

За окном чернели неподвижные колонны сосен. Старые опиленные липы заламывали кверху свои скрюченные ветви. Без листвы деревья становятся разными. Их голые сучья похожи на характеры.. Никогда раньше мне не приходили в голову подобные вещи. А сейчас я смотрел в сад и видел живые липы: вот та, слева, неряха, во все стороны разбросала ветви с тонкими пучками прутьев, похожих на косматые волосы, а эта, рядом, точно отплясывает русскую. Я попробовал рассказать об этом Лауме, и она как-то сразу поняла все.

– А вот там истеричка, похожа на нашего завуча, – рассмеялась она, и мы принялись судачить о каждой липе.

Так мы стояли у окна и говорили и молчали. Молчание несколько не стесняло меня. Молчать было тоже хорошо, словно в это время продолжался какой-то грустный и важный разговор. Иногда мне становилось смешно оттого, что я способен вот так стоять с женщиной в темной комнате и молчать, и находить в этом какое-то удовольствие, и удовлетворяться этим. Рассказать кому-нибудь из нашей компании про такое – не поверят или засмеют. Но я вглядывался в неподвижный профиль Лаумы, видел ее серый, задумчиво-мглистый глаз, угол ее больших губ, тронутых улыбкой, и успокаивался.

Лаума проводила меня на улицу. Я оставил ей московский адрес и попросил, если она будет в Москве, сообщить мне. Но она не собиралась в Москву, и я знал, что меня тоже вряд ли еще пошлют в этот район.

Мы стояли, разделенные калиткой, в которую был вделан штурвал. Я положил руки на его влажные спицы.

– Лаума, – сказал я. Она наклонилась ко мне и коснулась холодной щекой моего виска. И ушла.

Я вернулся в гостиницу, взял чемодан, рассчитался, хотя до поезда оставалось еще четыре часа, и пошел на вокзал. Всю дорогу я чувствовал на виске холодок.

Несколько раз мне встретились рыбаки. Они вернулись с моря. Они шли в блестящих черных плащах, в высоких резиновых сапогах, веселые и усталые. Я останавливался и смотрел им вслед, вдыхая запах рыбы и моря. В домах навстречу им вспыхивали огни, хлопали двери, слышались радостные голоса. Где-то, наверное на траулерах, урчали моторы и скрипели лебедки, но все эти звуки несколько не мешали мне слушать туман.

На станции буфет работал. Там были и коньяк, и водка, и холодец, и пиво. Там было тепло, дымно, играла радиоло. Играли вполне современные пластинки – «Синьорину» и «Опавшие листья». Я постоял и вышел на перрон. Я прошел в дальний конец перрона, где было темно и не было слышно радиолы. Туман рассеивался. Нити телеграфных проводов поблескивали наверху, как пряди мокрых волос. Когда капля срывалась с них, я слышал, как они долго и тихо звенели. И мне казалось, что это еще поет туман. Я улыбнулся, хотя мне было совсем не весело.

1957

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Певучий туман. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши [buckshee](http://buckshee.ru/). Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!